

Владимир ПЕРЦЕВ

СЕРЕБРО И ЗОЛОТО

Переехали границу, а за окном всё то же: водонапорная башня из красного кирпича, низкие постройки, пустынная платформа, выложенная плиткой. Только надписи не на русском, как при немецкой оккупации. На обочине – бригада рабочих в касках, в спецовках, традиционно, как и наши, курят.

У всех таможенников разная форма. На белорусской границе в вагон зашла девушка в новенькой форме защитного цвета с синим значком академии на лацкане. С металлическим защитного цвета ящиком, как у военных радистов, к которому надо было прикладывать билеты. Вежливая, но строгая. Поздоровалась, после проверки билетов пожелала всем счастливого пути.

На литовской границе зашёл молодой офицер с бравой синевой на щеках, в военных брючках и фирменном вязаном свитерочке с погонами. Новенькие ремни, новая кобура. К руке пристёгнута ремешком небольшая коробочка валидатора. Всё делал молча, несколько надменно. Не произнёс ни слова.

На нашей границе первой зашла собака, потыкалась туда-сюда носом. Следом появилась девушка, извинилась за собаку, и обе ушли. Потом появился молодой офицер в синей рубашке и военных брючках, с ящичком немного меньше белорусского. Поздоровался, попросил приготовить билеты и документы, пошутил. Его сопровождал худой молчаливый гражданин в штатском и с папкой в руках.

На литовской границе, пока проверяли документы, случилось маленькое происшествие: несмотря на предупреждение не выходить на платформу, три пострела соскочили покурить. Тут же налетели литовские таможенники, стали составлять протокол.

– Дурак – он и за границей дурак, – насмешливо говорит мой попутчик и сосед по купе, – на полторы штуки налетели по дураости.

Я молчу. Что тут скажешь?

Николай Данилович из староверов, с Алтая. Широкий, кряжистый, угрюмый, взгляд исподлобья. Одет современно: футболка, джинсы, а стрижка – под горшок. Сидит прямо, деревянно. Чай пьёт с блюдца, дует, отгоняя парок, макает усы. Хрустит сахаром. Зубы у него крепкие, свои, несмотря на возраст. Уверяет, что никогда не обращался к дантистам, не знает, что такое зубная боль. Чашку, блюдце и серебряную ложечку возит с собой вместе с другими вещами в кожаном чемодане на колёсиках.

Едем в одном купе. Разговариваем. В волосах собеседника пробивается седина, но лицо свежее, крепкое, почти без морщин. О себе рассказывает неохотно. Семья его пострадала при советской власти: дед сидел ещё при Сталине, при Брежневеве посадили и отца. И он так и не вернулся. Написали, что умер от левостороннего воспаления лёгких.

– А только я думаю, что убили, – угрюмо говорит собеседник, – правильных людей никто не любит: ни власть, ни зона. Укор. Отец был характеру упорного, своё гнул. Порода.

Выучиться у Николая Даниловича не получилось, матери надо было помогать братьев и сестёр растить. Пошёл в ПТУ, потом работал в дорожном управлении на отсыпке трасс. Потом посадили и его, за религиозную якобы пропаганду. Но просидел он недолго. В перестройку по настойчивой просьбе Рейгана Горбачёв выпустил на свободу

«узников совести» с последующей реабилитацией. Начальник тюрьмы лично сообщил Николаю Даниловичу об этом, извинился. Тогда же в тюрьме Николай Данилович решил уехать из Советского Союза, а перед отъездом, что называется, громко хлопнуть дверью – высказать всё, что он думал и про эту власть, и про советские порядки. Всё ждал подходящий момент, чтобы сказать. После реабилитации его пригласили на местное телевидение, и он приготовил речь. Но ведущий так тараторил, так хотел сказать своё, тоже заготовленное заранее, что Николай Данилович как-то не нашёлся. Он только кивал и отвечал что-то односложное: «так», «да», «было дело», «а как же».

Написал в районную газету, но там его текст так исчёркали, что он только рукой махнул.

Когда оформлял документы на выезд за границу, сильно подмывало «умыть» чиновников, но тоже как-то всё казалось неуместным. Чем они виноваты? У них своих проблем!

На самолёт его провожали два «товарища» в штатском. Долго сидели в зале ожидания, особнячком от других пассажиров, молчали. «Товарищи» по очереди выходили покурить. А Николай Данилович всё думал, как бы ему сказать вот хоть этим двум кагэбистам, что он думает про их власть, отвести душу напоследок. Отца замученного припомнить, мать, в одиночку вытянувшую детей, свою загубленную юность. Но как-то всё не решался. «Товарищи» вежливые, принесли ему чай, пирожок, проводили до трапа. Уже когда в самолёт садился, помахал им рукой, сказал, вздохнув:

– Ну, бывайте! Будут проблемы, звоните.

И улетел. А там тоже попал не на мёд с сахаром. С лихвой хватил в заграничах этих. Сильно бедствовал первое время, за любую работу хватался. И не известно, как бы всё обернулось, но вот раз – звонок. Уже при Ельцине это было.

– Здравствуйте, Николай Данилович! Помните, на аэродроме Вы сказали «будут проблемы, звоните»?

И предложили баржу нефти. Прибыль пополам. Взаяся, нашёл покупателей. Быстро дело сделал. Вскоре пришла и вторая баржа, и третья. Наладился бизнес, денежки потекли потоком. Николай Данилович купил дом, женился на соотечественнице, тоже из староверов, детей ему супруга нарожала. Теперь он состоятельный человек. В России бывает часто, но на родные места не ездит, не хочет раны беречь.

– И детям, и внукам не устаю повторять, – говорит Николай Данилович, поглядывая за окно на пролетающие перелески, – слово – серебро, а молчание – золото. Так-то. Не удержишься тогда, выскажи я свою обиду, и где бы был теперь и что бы делал?! А потом, какая ни на есть, всё же Родина, куда деваться.